

18+

ФЕДОР КРАСОВ
ДЖОН ЛИ

СТРАННИК ВЕКА

КНИГА ФАДЪЯХА

Федор Красов

Странник века. Книга Фадьяха

«Издательские решения»

Красов Ф.

Странник века. Книга Фадьяха / Ф. Красов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553823-9

Его судьба — зеркало двадцатого века. Он — сын русского офицера, без родины, без родителей, без бога. Его первое пристанище — монастырь, затерянный в центре Китая. Первые наставники — монахи. Первый друг — огромный белый барс. Путеводная звезда — мать, которую он никогда не видел. Он воевал за три страны. Прошел все моря и все океаны. Взбирался на самые высокие вершины и опускался в самые глубокие пропасти. Много раз умирал, но лишь для того, чтобы снова воскреснуть. Он — СТРАННИК ВЕКА.

ISBN 978-5-00-553823-9

© Красов Ф.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Книга Фадьяха	8
Глава 1	9
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Странник века. Книга Фадьяха

Федор Красов

Джон Ли

Редактор А. Терентьева

Дизайнер обложки А. Аксютина

© Федор Красов, 2021

© Джон Ли, 2021

© А. Аксютина, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-3823-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Лака-Вака-Шоколака! Лака-Вака-Шоколака!

Толстый грек, торгующий выпечкой, вытер тыльной стороной ладони пот с широкой лысины и с укорижной посмотрел на меня. Было начало мая, и маленький каменистый пляж, потерявшийся в компании с деревушкой под трогательным названием Плака среди горных распадков восточного Крита, пустовал. На заботливо расставленных лежаках помимо меня отдыхали две молодые девушки, да приветливый хозяин пляжного кафетерия натужно раскуривал длинную трубку на крыльце заведения. Торговец выпечкой, убедившись, что покупателей не будет, набросил на свои пончики марлю, спасающую выпечку от мух, сноровисто подхватил небольшой деревянный прилавок и, бросив на меня еще один взгляд, неторопливо двинулся вдоль кромки моря.

– Ничего, мой друг! Потерпи пару-тройку недель, и к тебе еще выстроится очередь из шепутных немецких ребятишек, – захотел сказать я ему, но грек уже был далеко. Он направлялся к пирсу, откуда несколько раз в день небольшие туристические катера доставляли любопытных туристов на достопримечательный островок, воткнутый на выходе из залива.

Одна из девушек, решив, что пришло время окунуться, прошла мимо меня к деревянным мосткам, которые помогали пляжникам, минуя скользкие камни, сразу оказываться в воде. Девушка бросила на меня чуть недовольный взгляд: словно восьмидесятилетний старик (хотя на спор мне давали максимум 65) одним своим видом обманывал все ее радужные ожидания от отдыха. Мягкой улыбкой я попытался внушить ей, что расстраиваться не стоит и впереди ее ждет множество приятных встреч. После чего вернулся к своим мыслям.

В последнее время, оставаясь наедине с собой, я без конца терзал себя одним и тем же вопросом, словно педантичный педагог, поставивший цель либо завалить легкомысленного студента на экзамене, либо сделать из него достойного человека.

О чем моя жизнь? О чем все ее повороты, так тесно связанные с поворотами XX века, вместившего в себя и небывалый прогресс, приблизивший человека к звездам, и разрушительные войны, и новое осмысление самого человека и места его на Земле? Век, приютивший целый город художников, но нашедший место для правителей, пришедших к нам из самого мрачного Средневековья. Какой уникальный опыт дала мне жизнь, что даже своим детям и внукам я рассказываю только маленькую толику случившегося со мной. Да и то пытаюсь припудрить, причесать, одеть в белые одежды. Да и чем моя жизнь так уж сильно отличается от судьбы того же торговца сладкими пончиками, который без усталости меряет греческие пляжи своими загорелыми ногами?

Я знаю, что, будь я верующим человеком, мне было бы много проще. Но так вышло, что хоть мой путь и начинался в буддийском монастыре, а затем пролегал мимо храмов, синагог да мечетей, я так и не заворачивал в них. И как бы я ни хотел остановиться, зайти, помолчать, поглазеть на образа, попытаться поймать и почувствовать тот легкий трепет в груди, про который мне так красочно рассказывали многие мои товарищи, всё на это не хватало времени. Так что нет у меня возможности сослаться на неисповедимые пути, о чем я, собственно, и не жалею. Более того: зачастую ловлю себя на мысли, которая верующему покажется богохульной. Тем опытом, который есть у меня, полезным и бесполезным: теми странствиями по всем континентам, теми друзьями и женщинами, бывшими у меня, наконец, своей семьей, я не хочу делиться ни с кем. Ни с дьяволом, ни с Богом.

В поисках ответа в моей голове роились многочисленные формулировки, штампы, заимствованные из разного рода и качества литературы. Я сравнивал свою жизнь с животным и растительным миром, перетаскивал ее со всем содержимым на бескрайнее звездное небо, но только для того, чтобы со следующим пульсом мысли закопать глубоко в землю. Иные

ответы на короткий промежуток времени устраивали меня, но только для того, чтобы вскоре, разломав и разбив все старательно подобранные доводы, отправиться в дальнейшее путешествие.

Книга Фадьяха

Глава 1

Монастырь

Первые годы своей жизни я знаю лишь со слов первого наставника, морщинистого монаха буддийского монастыря, в котором вырос. Меня, маленького кричащего младенца нескольких месяцев отроду, нашли в плетеной люльке на берегу горного ручья. Из приданого была только ситцевая простыня, православный крест да маленький серебряный медальон с вензелями на невиданном здесь языке. Кто меня там оставил и сколько времени я надрывался, требуя еды и воды, монах не знал. Да и я, впоследствии изучивший свои корни вдоль и поперек, могу только догадываться. Хотел ли бросивший меня человек, чтобы я попал к монахам, – тогда почему он не отнес меня к воротам монастыря и не оставил там посреди ночи, как поступали многие? Думаю, что в какой-то момент я стал для него непосильной ношей и он, поддавшись порыву, попрощался со мной, чтобы продолжить свой тяжкий путь в одиночку.

А пока что меня принесли в монастырь, который, на мою первую в этой жизни удачу, служил приютом для таких же обездоленных детей. Часть из них, как я уже говорил, попросту подкидывали к воротам. Иных родители приводили за руку. Люди, живущие в деревушках окрест монастыря, кормились землей, и каждый неурожайный год добавлял в этот мир десяток-другой верующих в неизменность души.

Когда мне было три года, мир потихоньку начал поворачиваться ко мне лицом. Как сейчас я вижу небольшую темную комнату, деревянные кровати, худые лица мальчишек, с которыми я делил чашку риса на завтрак и ужин. Вижу наш монастырь: храм с восседающим на каменном постаменте Буддой, небольшой двор, украшенный медным гонгом, большие деревянные ворота, вечно полуоткрытые. Вижу хоровод горных вершин вокруг монастыря. Помню наших монахов-наставников, неизменных на протяжении многих лет.

– Фадьях, иди есть! Фадьях, иди спать!

Помню, что собратья мои по монастырской судьбе дружно и не сговариваясь невзлюбили меня. Поначалу дети старательно меня избегали, сторонились, не принимали в свои незамысловатые игры. Никто со мной не разговаривал, а если я заводил разговор первым, отворачивались от меня. Когда в монастыре появлялся новичок нашего возраста, то ровесники считали своим долгом первым делом объяснить ему, как ему надо вести себя со мной – не здороваться, не играть и по возможности держаться подальше. Я страдал от этой ничем не обоснованной вражды, но самое сложное ждало меня впереди. Спустя какое-то время детям показалось недостаточно лишать меня общения: каждый прибывший в монастырь мальчик должен был пройти испытание, придуманное местным заводилой, которого звали Тянь. Тянь объяснял мальчику, что если он хочет быть своим в компании и дружить с другими детьми, он должен до крови подраться со мной. Прибывшему ничего не оставалось, как подойти ко мне и завязать драку. На тот момент я был слабее многих сверстников, и чаще всего новичок здорово избивал меня. Если же по каким-то причинам я одерживал вверх, то к драке подключались другие дети. Таким образом, я вечно оставался в проигрыше.

Знали ли наши наставники об этих бесконечных побоях? Наверное, знали. А если и нет, то могли догадаться по многочисленным синякам, ссадинам и шишкам на моем теле. Пытались ли они как-то помочь мне? Может, и пытались, но в любом случае несколько лет все оставалось по-прежнему.

Причина такого отношения долго оставалась для меня секретом. О чем-то я начал догадываться только по брезгливой реплике того же Тяня:

– Урод!

Долгие ночи я проводил, занимаясь тем, что пытался нащупать на себе жуткий шрам через все лицо, жировую шишку или громадную бородавку, наподобие той, что была у старого монаха по имени Чжан. Картина прояснилась, лишь когда мне исполнилось шесть лет. Тогда, я уже не помню, по какой причине, я оказался в келье старшего наставника. Это была единственная комната во всем монастыре, где на стене висело зеркало. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять, в чем причина моих бесконечных мучений. Из зеркала на меня смотрел худощавый бледный русоволосый мальчик, у которого не было ни раскосых глаз, ни плоского лица, словом, ничего, что было у всех, кого я встречал до сих пор в этой жизни.

Внешность моя не давала мне покоя, и уже через несколько дней, набравшись смелости, я подошел к монаху Чжану с вопросом: «Почему так?» Именно тогда я и узнал историю своего появления в монастыре.

Но мне этого уже было мало.

– Вы хотите сказать, я не из Динси? – спросил я.

Чжан покачал головой, подгоняя мою мысль.

– И я не из Луннаня?

– Ты неплохо знаешь географию, – улыбнулся Чжан.

Это был день поразительных догадок, и следующая не заставила себя долго ждать.

– И я не из Ганьсу?

Мои познания в географии заканчивались. Провинция Ганьсу, в моем шестилетнем понимании, была запредельной величиной, вселенной, за которой меня поджидал полный мрак. Чжан одной фразой перевернул мое представление о мире.

– Думаю, ты не из Китая.

До этого момента я много раз слышал слово «китаец», но ни разу не пытался соединить этого обобщенного человека с бо́льшим куском земли, нежели провинция внутри, которой спрятался наш монастырь.

– Думаю, ты из Российской империи, – не останавливался Чжан. – Хотя я слышал, что сейчас она называется по-другому. Лет двадцать или тридцать назад в монастыре несколько дней жил путешественник. Он был похож на тебя, и он был из России.

– А где это, Российская империя?

– Это большая страна к северу от Китая. Я совсем мало про нее знаю.

– А что знаете?

– Знаю, что люди там не похожи на китайцев. Знаю, что там очень холодно. Что еще? – Чжан хитро посмотрел на меня. – Знаю, что кому-то давно пора спать!

– Монах Чжан, – взмолился я. – Расскажите еще что-нибудь.

Чжан был в добром расположении духа, и довеском мне досталась краткая история про многообразие мира и его обитателей. Знание это незримо подняло меня над моими сверстниками, хоть и не помогало от продолжающихся побоев; синяки и шишки я стал переносить значительно легче, принимая это как необходимую плату за свое интеллектуальное превосходство.

Дело могло бы решить «сердце Будды». По одной из притч (также доставшейся мне от монаха Чжана), когда Будда увидел, что людям не хватает доброты, он достал из груди сердце, оторвал от него кусочек и вручил одному из своих учеников по имени Упали. Теперь Упали мог нести буддизм в люди, располагая вещественными доказательствами. Со временем сердце Будды затвердело и превратилось в громадный рубин, стоящий неизмеримых денег. К сожалению, после Упали рубин попал в руки человека, озабоченного отягощением собственного кармана. Тот продал рубин знакомому радже. Тот вскоре разорился и вынужден был в свою очередь расстаться с сокровищем. Несколько столетий рубин бродил по карманам богатых индусов, пока наконец не исчез из виду. Говаривали, что сам Будда, решивший восстановить целостность своего организма, забрал рубин обратно. Как бы то ни было, считалось,

что «сердце Будды» защищает своего хозяина от происков врагов, делает его тело нечувствительным к боли и при правильном обращении способно вызвать небольшое землетрясение для испуга сомневающих.

Конечно, я мечтал об обладании таким замечательным камнем, но еще больше я мечтал о встрече с родителями. Несмотря на то что внешность моя отличалась от внешности остальных обитателей монастыря и его окрестностей, родители в моих мечтах представляли истинными китайцами. Маму свою я скромно отправил работать на рисовые поля, где она, часто отрываясь от земли, выпрямлялась во весь рост и крепко задумывалась, по всей видимости, о судьбе своего несчастного сына. Отец мой, чем-то напоминающий наставника монастыря, представлялся мне непобедимым воином, отчаянно сражающимся с врагами Поднебесной, не имея ни одного выходного. Я уже давно простил китайским родителям легкомысленное отношение к чаду и только ждал, когда они постучат в ворота монастыря и, вызвав наставника на разговор, попросят вернуть им самое дорогое, что есть в их жизни, – то есть меня.

Впрочем, многие в монастыре были сиротами, поэтому мои мечтанья мог разделить каждый второй мальчишка. Забегая вперед, могу сказать, что спустя много лет, когда моя голова была занята совершенно другими заботами, мечта моя стала явью, хоть и в несколько иной редакции.

Каждый монастырь имел свое хозяйство, и наш не был исключением. Был какой-то скот, в основном бараны, были поля, расположенные на типичных для этой местности террасах. В основном на наших террасах выращивали рис и мандарины. Несколько террас были отведены под лекарственные травы – монастырь издревле славился народной медициной.

На террасах работали все без исключения монахи из монастыря. Воспитанников монастыря начинали выводить на работы с четырех лет. Поначалу эти выходы были праздником. Мы пололи грядки, нам доверяли сбор мандаринов. Но со временем работа становилась все более тяжелой. Все лето, под палящим солнцем, страдая от укусов насекомых, мы выполняли всю работу старших монахов: готовили почву (своих буйволов в монастыре не было, и в плуг впрягались по пять-шесть мальчишек), сеяли, поливали, и все это с раннего утра и до позднего вечера семь дней в неделю.

Поначалу я радовался выходам на террасы, надеясь, что там, под пристальным надзором старших монахов, мальчишки оставят меня в покое. К сожалению, этого не случилось. Стоило монаху отвернуться, как в меня летели комья земли и навоза. Однажды я не выдержал и со всего маху заехал Тяну мотыгой по голове. Тянь хотел ответить, но монах-наставник уже обратился на нас свой унылый взгляд.

– Ты об этом пожалеешь, урод, – прошипел Тянь.

К месту будет сказать, что как-то раз я пытался просветить не Тяня (тут я не питал надежды), а его дружков, что я вовсе не урод, а всего лишь русский. Мною двигало не желание спасти себя от побоев, как многие могут подумать, а надежда вырвать мальчишек из их маленького средневековья. Но пока дела складывались в их пользу, менять что-то в своем миропредставлении им казалось излишним. Так что наградой за мою проповедь стали очередные пинки.

Нынешняя расправа была назначена на вечер. С десятка мальчишек, с которыми Тянь заранее сговорился, подкараулили меня после ужина. Я сразу понял, что в этот раз все будет серьезнее, чем раньше, и, подхватив с земли увесистый камень, отступил к стене, чтобы никто не кинулся на меня со спины. Поняв, что я буду стоять до конца, мальчишки на секунду ступевались и, возможно, отступили бы, если не Тянь.

– Что вы испугались какого-то урода!?! – закричал он и первым кинулся на меня.

Я встретил его ударом кулака с зажатым в нем камнем. Тянь упал, схватившись за скулу, но остальных это только раззадорило. Кто-то кинулся мне под ноги, я споткнулся, упал, и меня начали методично забивать ногами. Помню, я схватил кого-то за ногу и повалил, кому-то

заехал по лицу все тем же камнем и, не отвечая на град ударов, бросился бежать прочь из монастыря. Я бежал долго, не оглядываясь назад. Бежал изо всех сил, не понимая, что за мной никто не гонится, что все мои враги остались на том мрачном монастырском дворике. Мне хотелось оказаться как можно дальше от ненавистного места. Выбившись из сил, я забрался в какую-то расселину и просидел там несколько часов. Там я немного пришел в себя и решил, что мне надо возвращаться. Было уже темно. В монастыре все спали, и я мог незаметно проникнуть в нашу комнату. Но на обратном пути я сбился с дороги и заблудился. Еще несколько часов я блуждал по скалам в надежде наткнуться на знакомые места. В один момент мне показалось, что я вижу очертания монастыря. Может, это они и были, а может, я принял за монастырь причудливый изгиб скалы. Обрадованный, я потерял осторожность, сделал неверный шаг и, поскользнувшись, упал с обрыва.

Я не знаю, сколько я пролежал без сознания на дне ущелья. Может быть, несколько часов, а может, и дней. Когда я открыл глаза, было светло настолько, насколько может быть светло в узком ущелье. Я попытался встать и не мог. Жутко болела нога, позже выяснилось, что я ее сломал во время падения. Поняв, что я не смогу отсюда выбраться без чужой помощи, я начал кричать.

– Помогите! Помогите!

Я орал битый час, но помощь так и не пришла, а я полностью выбился из сил. Тогда я решил закрыть глаза и спокойно дожидаться смерти. Смерть все не появлялась, зато, измученный переживаниями, я заснул. Проснулся я от того, что кто-то вылизывал мое лицо теплым шершавым языком. Я снова открыл глаза и увидел перед собой огромного снежного барса. До этого я видел снежных барсов только на картинках, но знал, что это страшные хищники, которым ничего не стоит растерзать не то что маленького ребенка, но и взрослого человека. Я ничего не мог сделать и просто закрыл глаза, дожидаясь, когда барс вонзит в меня свои острые клыки и растерзает на маленькие кусочки.

Однако барс не спешил меня убивать. Играючи, словно тряпичную куклу, он перевернул меня на живот. Я почувствовал горячее дыхание барса у себя на шее и в который раз за этот день попрощался с жизнью. Но барс только аккуратно подхватил меня своими зубами и потащил прочь. Было нестерпимо больно, все-таки загрызок котенка отличается от человеческого, но мне ничего не оставалось, как терпеть. К счастью, логово располагалось поблизости, и уже через несколько минут барс аккуратно уложил меня на холодный пол каменной пещеры. После чего оставил меня одного.

Когда барс ушел, я попытался выбраться из пещеры, но сломанная нога не давала мне подняться. Несколько часов я провел в тщетных попытках добраться до выхода из пещеры. Барс вернулся к вечеру, притащив в зубах тушу такина. К тому времени я успел жутко проголодаться, и мне не оставалось ничего, кроме как разделить с барсом ужин. Видя, что мне приходится нелегко, барс сам отдирает от такина небольшие кусочки мяса и кидает мне. Насытившись, я уснул. Спать на жестком камне было холодно, поэтому, преодолев свой страх, я подполз поближе к барсу и свернулся калачиком между его лапами. Барс был теплый и мягкий. Спать таким образом было много лучше, чем на деревянных кроватях монастыря, подложив под голову вместо подушки плохо отесанное полено.

На следующий день я уже полностью избавился от страха перед барсом, и ко мне вернулась способность мыслить. Я вспомнил, что не так давно один из старших учеников сломал ногу во время тренировки, и, чтобы кость срослась правильно, наставник примотал к ноге кусок доски. В пещере у меня не было досок, равно как и бечевки, которая была у наставника. Зато у меня была туша такина. Я попытался выломать из скелета такина кость подходящего размера, но не смог. Тогда барс, словно разгадав мой замысел, острыми зубами отгрыз мне необходимую кость. Бечевкой мне послужили жилы того же такина. Конструкция получилась достаточно прочной, и нога моя пошла на поправку.

В пещере нечего было пить. Мой барс не мог принести мне воды так же, как он принес мясо. На свое счастье, рядом с пещерой я нашел небольшую выемку, в которой скапливалась талая вода, стекающая с вершины горы. Я знал, что пить такую воду небезопасно, но выбора у меня не было.

Я прожил вместе с барсом дней десять. Каждый день он уходил на охоту, чтобы через несколько часов принести козла, кролика или того же такина. Моя нога, если и не зажила окончательно, то стала относительно работоспособной. По крайней мере, я мог на ней стоять. Случилось это крайне вовремя. Надвигалась зима, и если днем было достаточно тепло, то ночью становилось все холоднее. Мне было хорошо в пещере. Снежный барс стал моим первым другом и товарищем. Хотя сам он себя представлял скорее рачительным родителем. Но было понятно, что мне необходимо вернуться в монастырь. Зимой я бы не выжил в пещере.

Я собрался уходить и попрощался с барсом. С помощью солнца я определил, где я примерно нахожусь и куда мне следует направиться. Это было не так далеко от монастыря, три или четыре километра. Выйдя из пещеры, я принялся карабкаться на склон, чтобы оказаться на горной тропе, которая, по моим расчетам, и вела в монастырь. Оказавшись на тропе, я оглянулся. Барс следовал за мной. Я помахал ему рукой и, сильно хромая, двинулся к монастырю, но барс не отставал. Он не спеша шел за мной, останавливаясь, когда останавливался я.

Рядом с монастырем была деревушка, и барсу не стоило там появляться. Он мог напугать жителей (в то, что барс может кому-то причинить вред, я не верил), кроме того, его могли убить. Перед деревушкой я подошел к барсу и погладил его по загривку. Барс взглянул на меня, словно интересуясь, уверен ли я в своем решении и не могу ли я еще немного подумать.

– Мне надо идти. Спасибо тебе.

Сказав это, я снова двинулся в путь. Барс остался стоять на месте. Мне пришлось вернуться.

– Тебе нельзя здесь стоять, – объяснил я барсу. – Это опасно.

Барс снова не обратил внимания на мои слова. Я попытался подтолкнуть его в нужном направлении, но он лишь оскалил зубы и тихо зашипел. Уставший, я решил оставить барса в покое. Через какое-то время я снова оглянулся. Барса нигде не было, и на какой-то момент мне показалось, что все случившееся со мной – чудесный сон.

Я вернулся в монастырь после обеда. Первым, кого я встретил, был монах Чжан. Отличительной чертой Чжана было его вечное спокойствие. Никакие детские шалости и проступки не могли заставить его повысить голос. Вот и сейчас, увидев меня после десятидневного отсутствия, исхудавшего, хромящего, с примотанной к ноге костью, он сказал:

– Ты опоздал на обед.

Я не стал рассказывать ни Чжану, ни кому бы то ни было еще о своих приключениях, уверенный в том, что меня примут за сумасшедшего. Также не стал я говорить о том, что мой побег начался после драки с Тяном и его друзьями. Не то чтобы я боялся, что после моих слов Тяну еще больше обозлится на меня и сделает мою жизнь окончательно нестерпимой. Также я не стремился молчанием завоевать его благосклонность. В тот момент внутренний голос подсказал мне, что такой поступок будет недостойным.

Как я узнал позже, после моего исчезновения монахи провели расследование, и все мальчишки были наказаны. Строже всех был наказан Тянь, которого на десять дней заперли в темной комнате, куда один раз в день приносили чашку риса и стакан воды. Вышло так, что мое возвращение совпало с его освобождением из темницы.

Мы столкнулись с ним тем же вечером. Я сразу понял, что наказание не успокоило Тяна и меня ждут дальнейшие испытания. Тогда я никак не мог понять, почему, и что такого я ему сделал. Позже, познакомившись с людьми, которые были зависимыми от опиума и не могли

прожить без него ни дня, я начал догадываться о мотивах его поведения. Унижая меня, Тянь чувствовал превосходство, которое настолько радовало его, что он не мог от него отказаться.

Через пару недель к Чжану пришел крестьянин по имени Му с жалобой на больной желудок. Чжан отправил меня на террасу за корнем шалфея. Возвращаясь обратно в монастырь, я встретил Тяня и его дружков. Они поджидали меня на узкой тропке, не дающей шансов на обходной маневр.

– Ну что, урод, – закричал Тянь, – вот мы и снова встретились!

Я не стал отвечать. Я бросил шалфей на землю и приготовился защищаться. Но этого не потребовалось. Неожиданно лица мальчишек перекосятся от страха. Сначала я не понял, что произошло, но потом обернулся и увидел своего снежного барса, который стоял на тропе в нескольких шагах позади меня. Барс издал угрожающий рык и пошел на моих врагов. Тянь и его друзья настолько испугались, что не могли сделать ни шагу. Может быть, это и спасло их. Побегу они, барс мог и не совладать со своими инстинктами. А может, мой друг и не собирался ни на кого нападать. Барс остановился рядом со мной, и я положил руку ему на загривок.

– Уходи, – сказал я Тяню. – Только не поворачивайся к нему спиной.

Мне пришлось повторить совет два раза. Потом Тянь и мальчишки, спотыкаясь, начали пятиться к монастырю. Выглядело это достаточно забавно. Поняв, что мне больше ничего не угрожает, барс скрылся в кустах, а я, подобрав брошенный шалфей, продолжил свой путь.

– Что-то ты долго, – встретил меня Чжан. – Все хорошо?

Я кивнул, не вдаваясь в подробности.

– Я уже испугался, что ты встретил барса, – продолжил Чжан.

Я замолчал, пытаясь сообразить, что имеет в виду наставник. Может быть, кто-то из мальчишек, вернувшись в монастырь, выдал меня и моего друга. Но Чжан успокоил меня.

– Му на прошлой неделе видел барса рядом с монастырем. Может быть, ему показалось, но он говорит, что это был именно барс. Я не стал говорить тебе, чтобы не напугать.

Я заверил Чжана, что никакого барса я не встречал, и ушел, оставив монаха заниматься крестьянским желудком. С того дня моя жизнь в монастыре наладилась. Со мной по-прежнему никто не дружил, но и трогать меня никто не решался. Если же в монастыре появлялся новичок, который, желая показать свою силу, выбирал меня в качестве жертвы, ровесники отводили его в сторону и объясняли, что я демон и связываться со мной опасно.

С шести лет у нас начались занятия в школе при монастыре. Помимо чтения, арифметики, чистописания, нас обучали медицине и у-шу, что в переводе означает «боевая техника».

Монастырь наш, хоть и не был так же известен, как монастырь Шаолинь, выпустил из своих стен много славных бойцов, выигравших не один турнир по всему Китаю. На самом видном месте висел портрет мастера боевой техники Ли Ютсена. Мастер этот прославился тем, что несколько веков назад принимал участие в турнире при императорском дворе и умудрился победить всех сильнейших бойцов страны, будучи абсолютно слепым. Император был настолько поражен возможностями Ютсена, что оставил мастера при дворе в качестве советника, а впоследствии отправился с ним на север воевать с монгольскими захватчиками. К сожалению, возможности слепого мастера оказались безграничными – в первом же бою Ютсена сразила вражеская стрела.

Еще одной легендой монастыря был мастер Бо. В отличие от Ютсена, Бо был наделен орлиным зрением, зато ему не хватало рук. Они были утрачены после встречи с медведем-шатунном. Впрочем, ног Бо с лихвой хватало, чтобы справляться со всеми своими противниками. Помимо этого, прославленный мастер умел взбегать на пятиметровую стену, окружающую монастырь, а также гасить свечу, поставленную на расстоянии нескольких шагов, с помощью грозного взгляда и неукротимой силы воли. Единственное искусство, не поддава-

шееся таланту Бо, – мастерство владения палочками для еды. До конца дней Бо питался при помощи специально приставленного к нему молодого монаха.

Нашим учителем по у-шу стал мастер Мин. В отличие от прославленных мастеров прошлого, все части тела у Мина были на месте, но он был настолько стар, что впервые, когда я его увидел, мне больше всего хотелось назвать Мина дедушкой и принести ему горячего рисового отвара. Но на первом же занятии дедушка Мин сломал о свою седую голову кирпич и тычком пальца проткнул железное ведро.

Возможность ломать кирпичи, портить ведра и уничтожать врагов голыми руками поначалу воодушевила всех без исключения мальчишек. Но тяжесть дальнейших занятий, бесконечный бег по горам и тысячи отжиманий с приседаниями привели многих к мысли, что боевые искусства – далеко не самое главное в жизни.

Помимо традиционных занятий по боевой технике, таких как свободный поединок, поединок с воображаемым противником, поединок на коротком оружии и борьба, в монастыре уделяли много времени обучению нетрадиционной технике, связанной с развитием феноменальных способностей человека. Считалось, что настоящий воин должен уметь пользоваться во время боя всеми своими чувствами, видеть себя со стороны и уметь читать мысли своего противника, словно открытую книгу.

– Я не хочу, чтобы вы воевали, – любил повторять Мин. – Я не хочу, чтобы вы убивали или калечили, и еще меньше хочу, чтобы убивали или калечили вас. Но если вам придется воевать, я должен быть уверен, что научил вас всему, что знаю сам.

Исходя из этого, нас часто выводили на бой друг с другом с плотной повязкой на глазах. Наблюдать за таким боем было одно удовольствие. Начинающие бойцы моментально теряли ориентацию в пространстве и завязывали ожесточенный поединок с кустарником, растущим по краям площадки, на которой проводились занятия. Доставалось не только растениям, но и мастерам, проводящим поединок, а также ученикам, дожидаящимся своей очереди.

Помимо обучения через поединок, старший монах зачастую делил нас на пары и одному из учеников вручал крепкую бамбуковую палку. Второй становился к нему спиной, и «палочник» время от времени наотмашь бил его. Нашей задачей было почувствовать удар и вернуться. Мы получали пяток ударов, прежде чем учитель разрешал нам покинуть место. Были и хитрецы, которые моментально садились на корточки, а потом, не дождавшись удара, объясняли, что их посетило божественное провидение. Их возвращали на место, но история повторялась. Подобных, «обманутых богом», учеников мастер ставил на кулаки до конца занятия. Стоять на кулаках только с виду было легко. Камень резал костяшки пальцев. Через пять минут мышцы живота разрывались от боли. Больше всего хотелось помочь своему телу, поставив на землю колени, в надежде, что Мин не заметит маленькую хитрость. Мин замечал и оставлял наказанного стоять час после занятия. После этого хитрецы мирились с судьбой и покорно принимали удары бамбуковой палки.

Как сейчас помню тот день, когда я впервые смог вернуться от бамбуковой палки. В роли бьющего выступал Тянь. В отличие от меня, да и многих других учеников, оказываясь в роли бьющего, Тянь вкладывал в удары всю свою силу, зачастую как бы случайно попадая не по спине, как того просил учитель, а по голове. Никакие «кулаки» в качестве наказания не могли заставить Тяня отказаться от своего таланта бить палкой беззащитных. Спустя много лет, во времена Китайской культурной революции, эти немудреные способности Тяня стали необычайно востребованы, и он реализовал себя в полной мере, истязая учителей и врачей по всей стране. Тянь возглавлял отряд бесстрашных хунвейбинов. Талант Тяня, подкрепленный недожинным усердием, не остался без внимания первых лиц Китая, и он был вызван в столицу, где, по неведомой мне логике, отчаянному борцу поручили поднимать машиностроение.

Но это случилось спустя много лет, а сейчас я стоял спиной к Тяню. Как я уже говорил, после встречи с барсом Тянь оставил меня в покое, но он не мог упустить случая расква-

свить мою голову на легальных основаниях. Конечно, я мог бы под дружный смех кинуться на землю, затем повторить тот же трюк еще пару раз и в итоге получить заслуженные «кулаки». Я не стал этого делать. Я закрыл глаза и неожиданно увидел злорадную ухмылку на лице Тяна. Тян не спешил с ударом, заботливо предлагая мне немного помучиться в ожидании. Наконец, словно наяву, я увидел, как Тян поудобнее перехватывает палку, как он замахивается, откровенно целясь в голову. Мне не пришлось падать на землю. Я присел, и палка просвистела у меня над головой. Обернувшись, я увидел изумленную гримасу на лице Тяна.

– Нечестно, – закричал один из мальчишек, дружок Тяна. – Он подглядел.

– Неправда, – возмутился я.

– Подглядел, – заорали остальные. – Пусть еще раз попробует!

Мастер Мин не стал принимать чью-то сторону, предложив нам повторить. Тян не смог ударить меня ни во второй раз, ни когда бы то ни было еще. Я стал первым мальчиком из нашего класса, кому удалось упражнение, что лишний раз подтвердило мнение прочих – они имеют дело с демоном.

Первое время я был крайне доволен демоническим статусом. Мальчишки, прежде избивавшие меня, теперь обходили стороной, никто больше не претендовал на мою чашку риса, я не находил в кровати своей скользких ужей и мог безбоязненно сходить по большой нужде и не оказаться запертым в тесном и вонючем помещении в ожидании страждущего спасителя.

Затем мне стало одиноко. Не с кем было поговорить, поиграть или хотя бы, рассорившись, подраться до крови, чтобы спустя полчаса помириться. Я с нетерпением ожидал новичков в надежде, что среди них спрячется мой товарищ. И когда новички появлялись, старался во всем помочь им освоиться и чувствовать себя в монастыре как дома.

Усилия мои пропадали даром. Рано или поздно новоприбывшие узнавали, с кем имеют дело, и в срочном порядке отказывались от общения со мной и моих скромных услуг. Таким образом, снежный барс, спасший меня, долгое время оставался единственным существом, с кем я нашел общий язык.

В нашем монастыре было место, которое привлекало внимание всех без исключения мальчишек. В самом месте не было ничего необычного, это была закрытая на ключ комната, и никто и никогда не видел ее открытой. Никто из нас не знал, что хранится в этой комнате, а монахи, которых мы спрашивали, ловко уходили от ответа, оставляя нам бескрайнее поле для неумной фантазии.

Помню, мальчишки начали с того, что заперли в комнате страшного огнедышащего дракона о пяти головах. Сообразив, что дракон вряд ли поместится в маленькой комнатушке, он был моментально поменян на удава-оборотня, который почему-то умел предсказывать будущее. Противники этой концепции наделили рептилию способностью забирать души, проникновенно заглядывая жертве в глаза. Шли годы, мы становились умнее, поэтому ясновидящего удава заменил наследный принц династии Мин. Единогласно сошедшиеся в версии наличия принца, мальчишки жутко разругались по поводу причин его пребывания в монастыре. По одной из версий, принц пережидал в монастыре непростые времена, дабы позже заявить о своих претензиях на престол Поднебесной. По другой, он находился в ссылке, отбывая наказание за попытку убийства своих родителей.

Я не участвовал в спорах о содержимом комнаты, что, впрочем, не мешало жадно слушать разговоры, которые начинались сразу после того, как в комнате, где мы спали, гас свет. Допуская вероятность и принца, и удава, я для себя придумал свою концепцию, которую бережно хранил, тщательно подбирая новые доводы в ее пользу.

Я считал, что в этой комнате вдоль стен стоят полки, а на полках в сухости и порядке содержатся души, дожидаясь своего очередного вселения. Души представляли собой небольшой мерцающий сгусток синего света и тщательно хранились в прозрачных стеклянных лар-

цах, из которых извлекались специальными серебряными щипцами. После своего знакомства с барсом я убедился, что души есть не только у людей, поэтому комната моя была тщательно разделена. Слева от входа лежали души человеческие, за ними шли души млекопитающих, далее птиц и змей. Завершали вернисаж души насекомых. Когда же дело доходило до технологии переселения, то на вахту заступали принцы и удавы, которые, сменяя друг друга, без усталости направляли души в места их временного пребывания.

Как-то поздно вечером, проходя мимо заветной комнаты, я не удержался и дернул за ручку. Неожиданно дверь приоткрылась. Я чуть было не умер со страху, хотя со стороны это выглядело скорее забавно, так как все малолетние исследователи тайной комнаты, расхаживая в мелочах, были абсолютно единодушны в том, что дверь в тайную комнату можно было открыть с помощью пудового ключа и многостраничного заклинания, которое нужно было оттарабанить наизусть. Впрочем, оправдывая нас, мальчишек, я могу сказать, что впоследствии в жизни своей я встречал множество людей, вполне себе взрослых, готовых годами выстраивать многоэтажные теории, доводя голову свою до полнейшего умопомрачения и напроочь игнорируя возможность сделать шаг и дернуть за ручку.

Дверь была приоткрыта, и первым моим желанием было закрыть комнату и убраться подальше от этого места. Поборов страх, я зашел в комнату.

Первым делом мне бросились в глаза полки по всему периметру комнаты. На миг я обрадовался, найдя подтверждение своей «душевной» теории, но в следующий миг понял, что ошибался. Никаких стеклянных ларцов с синими душами тут не было. Тут хранились книги. Множество книг стояли, повернувшись ко мне своими потертыми боками. Подсознательное желание не возвращаться из таинственной комнаты с пустыми руками заставило меня стянуть с полки первую попавшуюся книгу. Я решил пролистать ее в надежде натолкнуться на какой-нибудь секрет бессмертия или тому подобную мелочь, которая поможет мне в дальнейшем. Книга оказалась «Мифами Древней Греции». Я устроился на полу и начал читать. Легенда о сотворении мира, верховный бог, пачками пожирающий своих детей, а также последующая борьба богов с титанами настолько увлекли меня, что я читал всю ночь напролет и насилу оторвался от книжки, когда в маленькое окошечко заглянуло рассветное солнце. К утру я уже твердо уяснил, что содержимое комнаты несоизмеримо интереснее неприкаянных принцев, и теперь спешил занять место на деревянной полке, дабы другим мальчишкам даже в голову не пришла мысль задуматься, где я мог быть. Секрет тайной комнаты я нагло решил оставить при себе, не желая делиться ее богатствами.

На дворе стояло лето, и мы целый день работали на террасах. Под конец мальчишки, жутко уставшие после работы под палящим солнцем, мечтали лишь о том, чтобы поскорее вытянуть ноги, но только не я. Вооружившись лампадкой и дождавшись, пока остальные заснут, я на цыпочках направился в тайную комнату. Там меня уже дождался титан, который вопреки запрету познакомил людей с огнем и был за это жестоко наказан. Титана сменил набор чудо-богатырей, сражающихся с жуткими чудовищами. Кстати, после беглого анализа родословных этих героев, которые все как один были сыновьями бога Зевса, я, будучи сиротой, на какое-то время пересмотрел китайское происхождение моего отца. После похода аргонавтов, Троянской войны и скитаний Одиссея я начал ориентироваться в Древней Греции не хуже, чем в монастырских окрестностях, и не только в надземной ее части. Дважды спустившись в подземное царство, где у греков обитали умершие люди (в первый раз я сопровождал воина Геракла, во второй – музыканта Орфея), я впервые задумался, что наставники мои, монахи буддийского монастыря, могут заблуждаться в вопросе переселения душ. И это при том, что у них была прекрасная возможность прочесть про бытие древних греков. Запутавшись в этом казусе и не найдя выхода, я благоразумно решил оставить все как есть. Чуть позже, начав изучать Библию и столкнувшись с еще одной версией происхождения мира, я окончательно зашел в тупик. Правда, добравшись до Нового Завета и найдя некоторое сходство между Иисусом

Христом и своим любимцем Гераклом, я немного успокоился, придя к компромиссному решению, что люди в разных концах света по-разному говорят об одних и тех же вещах. Желание выдать свое суждение об устройстве мира за единственно верное мне показалось естественным и простительным – этим грешили все без исключения мальчишки времен споров о содержимом таинственной комнаты. Так что я ничуть не удивился, когда узнал, что люди, отстаивая свою точку зрения и исчерпав доводы, начинали силой доказывать правоту, снаряжая и отправляя в далекие страны многотысячные армии. Поступки эти, на мой взгляд, никак не красили совершавших их и еще больше напоминали мне товарищей по приюту.

Помимо обычных книг в комнате были древние манускрипты, посвященные травничеству. За компанию я изучил и их. В одном манускрипте я нашел описание травы, отвар из которой позволяет человеку жить вдвое больше обычного и при этом находиться в бодром расположении духа. Тут же описывался цветок, который можно встретить на севере страны. Цветок этот при правильном употреблении удваивал силы и делал человеческое тело нечувствительным к боли. Сквозь полустертые иероглифы я дошел до грибов, которые якобы имеют свойство расширять человеческое сознание до предела возможностей, но, к сожалению, ограничены по сроку действия. Не знаю, были ли наши наставники знакомы с этим травником, но на занятиях я не слышал (и в итоге не услышал) от них ничего ни про растения, ни про цветы с грибами. В чем тут дело, я разобрался, прочитав манускрипт до конца. Дело в том, что составитель манускрипта, монах Шудан, завещал наставнику монастыря не раскрывать секретов исследований, пока на земле идут войны и люди убивают друг друга. Монах опасался, что его знания попадут в плохие руки (а хорошие руки, писал он, на войне редкость) и увеличат мировое зло. Также в своей памятке для наставников этот замечательный человек выражал уверенность, что люди вот-вот поумнеют и тогда хранить от них важные секреты не будет никакой необходимости. Манускрипт был датирован одиннадцатым веком.

Через несколько месяцев еженощного знакомства с мировой историей и культурой меня поджидало суровое испытание. В очередную ночь, дождавшись, пока остальные мальчишки крепко заснут, я по окрепшей традиции направился в библиотеку. Как сейчас помню, что в ту ночь меня терпеливо дождался Александр Македонский, только что переправивший войско свое через пролив Босфор. Встречу с великим полководцем пришлось отложить. Дверь в тайную комнату была запертой, и сколько я в отчаянии ни дергал за ручку, таковой и оставалась. Почему так произошло, я и сейчас не могу объяснить. Скорее всего, два месяца беспробудного самообразования были связаны со сломанным замком. Сейчас же замок починили, напрочь отрезав меня от единственного сокровища в жизни.

Вернувшись в спальню, я всю ночь разрабатывал план проникновения в тайную комнату. Сначала мне казалось, что самым здравым будет выкрасть ключ у монаха, ведущего в монастыре хозяйство. Этот план я в итоге отверг – пропавший ключ привлек бы слишком много не нужного мне внимания. В итоге я решил изготовить свой ключ. На следующий день я раздобыл кусок медной проволоки и, дождавшись ночи, прокрался к тайной комнате. Целую ночь я провел в безуспешных попытках хотя бы пошевелить собачку замка. Проволока подлю соскальзывала, гнулась, и раз за разом я оставался ни с чем. Только лишь под утро мне пришла в голову светлая идея смотать проволоку в несколько слоев, тем самым утяжелив самодельный ключ. На этот раз дело пошло лучше, но как только я услышал заветный щелчок, во дворе прогремел гонг, поднимающий монастырь на новый день. О том, чтобы прочесть хотя бы строчку, не было и речи, надо было закрыть дверь обратно. Я оставил все как есть в надежде, что монах, обнаружив комнату открытой, спишет все на собственную забывчивость. К счастью, мой расчет оказался верным.

Еще пару лет, вооружившись лампадкой и куском проволоки, я спешил к своим книгам. Эта история закончилась тривиально: я прочел все книги, которые хранились в монастыре.

В первую половину двадцатого века мир заполнили люди, твердо уверенные, что мы живем в беспробудном царстве зла. Нескромно полагая, что они – единственные, кто знают тропинку в царство всеобщей добродетели, пророки эти разными способами становились во главе целых народов и отправлялись в нелегкий путь. Во имя добра для своего народа (само собой, избранного Господом) кровавые пророки оставляли за собой горы трупов из негодяев, нагло затесавшихся в ряды народа-богоносца. Когда же благодатные дали не спешили показываться из-за горизонта, вожди, упорно не замечая за собой ошибок, ссылались на многочисленных врагов из числа менее богоносных народов (внутренние враги к тому моменту обычно заканчивались), затевая тем самым серьезные противостояния, еще дальше отодвигающие заветную цель.

Эти тектонические процессы несколько раз за какие-то считанные десятилетия перетряхивали мир сверху донизу. Китай не стал исключением. Более того, в силу местной привычки делать все основательно и никуда сильно не торопиться, несчастную землю эту трясло на порядок дольше прочих.

После случая на дороге, когда барс заступился за меня перед мальчишками, несколько месяцев он кружил вокруг монастыря, словно приглашая меня вернуться в его гостеприимное логово. Долго так продолжаться не могло. Барса заметил один крестьянин из деревни, затем второй. Крестьяне предприняли облаву, в результате которой барс навсегда исчез из-под стен монастыря, но не из моей жизни. Спустя много лет, когда мне уже было 14, судьба дала мне шанс расплатиться добром за добро.

В тридцатые годы Китай переживал не лучшие свои времена. Страна была стеснена наглыми японскими милитаристами, под разными предлогами захватившими серьезный кусок бывшей империи. Помимо этого, Китай раздирали внутренние противоречия. В тот день, когда я с особым поручением оставил за спиной ворота монастыря, страну делили меж собой сторонники партии Гоминьдан и модные в то время по всему миру коммунисты.

Поначалу дела складывались не в пользу коммунистов. Несмотря на все свое европейское образование, они были безжалостно загнаны в горы вместе со своими передовыми идеями. В горах рядом с монастырем скрывался маленький отряд, человек в десять. Главный настоятель сочувствовал оголодавшим сторонникам всеобщего единства, и монастырь как мог помогал горстке вояк продуктами и лекарствами. Делалось это в строжайшем секрете. Если бы в столице узнали о подобной помощи, монастырь сровняли бы с землей. Спустя много лет, когда к власти пришел великий Мао, коммунисты припомнили доброту настоятеля и закрыли монастырь, отправив всех монахов во главе с настоятелем, которому на тот момент было глубоко за восемьдесят, на так называемое перевоспитание. Что и каким образом Мао планировал перевоспитать в почтенном старце, который начинал забывать дорогу в туалет, я не знаю. Но, судя по той же эпической войне с воробьями, трудности никогда не смущали первого вождя народной республики.

Тем вечером, отнеся коммунистам фруктов, овощей и молока, я возвращался в монастырь по узкой горной дороге. Неожиданно начался жуткий град. На землю падали градины величиной с перепелиное яйцо. Я вынужден был спешно искать укрытие, чтобы переждать ненастье, а заодно и переночевать. Тогда я вспомнил про пещеру снежного барса, в которой оказался в семилетнем возрасте. Она была недалеко от того места. К тому времени я уже не вспоминал о барсе, и представьте себе мое удивление, когда я застал старого приятеля в своем жилище. И это было не все. Рядом с барсом пищали трое маленьких котят, которым было несколько дней отроду.

Я испугался, что барс не узнает меня. В таком случае мне грозила бы серьезная опасность. Но опасения мои были напрасны. Барс сразу понял, кто зашел к нему в гости, и не проявил ни малейших признаков агрессии. Поначалу я даже обиделся на такой равнодушный прием. Но для выяснения отношений было слишком поздно. Аккуратно отодвинув котенка,

словно давая тому понять, кто тут первенец, я, как когда-то, устроился между лап лапами барса и моментально заснул.

Наутро, когда стало светло, я обнаружил, что мой барс ранен и потерял много крови. Получил ли он пулю от коммунистов или же при неудачной попытке утащить очередного деревенского барана, я не знаю. Я тщательно осмотрел барса и понял, что пуля застряла в кости тазобедренного сустава. Барс не мог нормально передвигаться, и было понятно, что если оставить все так, как есть, и сам барс и его маленькие детки обречены на голодную смерть. Уже на тот момент барс (упорно буду называть его так, несмотря на гендерную принадлежность) не ел несколько дней, вследствие чего у него не было молока для своих детенышей.

Сейчас я понимаю, какая опасность мне грозила, но тогда я без лишних раздумий решил достать пулю из барса. Мой друг мог не выдержать боли и растерзать меня – на это сил ему хватило бы с лихвой. Тем не менее я не боялся. С собой у меня был только маленький нож, я продезинфицировал лезвие с помощью спичек и начал операцию. Барс терпел изо всех своих сил, доверяя мне, словно своему ребенку. Котята мешали и все время лезли под руку, очевидно, почуяв во мне равноценную замену своей маме. Пуля вошла глубоко, и пришлось как следует повозиться. Тем не менее за каких-то десять минут мне удалось справиться с операцией. Пора было возвращаться в монастырь.

В тот же вечер я уговорил настоятеля вновь отправить меня к коммунистам, сославшись на превосходное знание дороги. Нагрузив себя снедью, я лишний раз пожалел, что в монастыре практиковалось вегетарианство. Так бы я мог прихватить для своего друга и его детей кусок мяса. Барс и котята уже ждали меня, словно у них не было и тени сомнения, что я могу не прийти. Я оставил в пещере все бывшее у меня молоко, полагая, что коммунистам достанет и воды из горного ручейка, который бежал рядом с их лагерем. С точки зрения общечеловеческих ценностей это было, может, и неверно, но на тот момент именно эта кошка была мне дороже всех остальных людей, вместе взятых.

Последователи Карла Маркса страдали без молока около месяца. Как-то, заглянув в пещеру, я не обнаружил там ни барса, ни его маленьких детенышей. Я заглядывал к своему другу еще два или три раза, но ни барс, ни его окрепшие на деревенском молоке дети там больше не появлялись. Не знаю, что заставило моего друга решиться на смену жилища. Спустя много лет мне кажется, что барс не смог ужиться с борцами за мировую революцию. Как хищники, коммунисты составили достойную конкуренцию моему барсу. В ущелье рядом с монастырем они за каких-то два месяца перебили всех живших там баранов и такинов.

Последняя моя монастырская история связана с любовью. Как всякая первая любовь, девушка эта навсегда осталась со мной. Мне бы следовало поменьше вспоминать Юфань, а, сославшись на важные дела, сбежать на недельку от семьи и, поставив в паспорт визу, добраться до Китая, чтобы раз глянуть, хотя бы издалека, как она там.

Несмотря на то что приют был при буддийском монастыре, мы были одеты в куртки свободного покроя, вставали в 4 утра, занимались медитацией и носили фамилию Ши, наставник монастыря не спешил делать из нас полноценных монахов. Обычно, достигая четырнадцатилетнего возраста, юноши принимали несколько десятков обетов, сильно напоминающих мне ветхозаветные заповеди. Но в нашем монастыре царили иные традиции. Наставник справедливо полагал, что нирвана – это далеко не первое, чего надо достичь в жизни.

Сами того не осознавая, мы соблюдали большую часть обетов, не становясь при этом монахами. Мы не убивали живых существ (за исключением насекомых), не принимали пищу в неположенное время, не использовали косметику и украшения и не имели привычки восседать на высоком мягком стуле. Однако никто из нас, даже те, кто со временем решил посвятить жизнь служению Будде, ничего не мог поделать со своей похотью.

Как я уже сказал, ее звали Юфань, она была дочкой крестьянина Яо, и помимо меня в нее были влюблены все мальчишки монастыря, которые достигли возраста, в котором всем и положено влюбляться в первый раз. У крестьянина была вторая дочь, ее звали Мунь, и в порядке оригинальности (уж если выделяться, так во всем) я решил влюбиться в нее.

Но замысел мой потерпел крах. Я мог смириться с тем, что Мунь было уже за двадцать, мог смириться с ее изъеденным оспой лицом. Но ее пронзительный визгливый голос не оставлял моему сердцу никаких шансов.

Юфань выглядела много лучше. Она была наша ровесница или около того. Юфань была стройна, у нее была гладкая кожа, а на милом личике выделялись хорошие глаза. Длинные волосы свои она не собирала в пучок, как делали взрослые женщины деревни, а носила распущенными. На тонкой шее ее болтались стеклянные бусы, когда-то подаренные отцом.

В дальнейшей жизни своей я встречал много женщин, которые по праву считались первыми красавицами. Но ни одна из них даже близко не стояла с той худенькой китайской девушкой в заплатанном платье, потому как ничто так не украшает девушку, как влюбленность шестнадцатилетнего юнца.

Жена Яо умерла много лет назад. Таким образом, старшая Мунь стала для Юфань не только старшей сестрой, но и заботливой матерью. Однако с годами роль любящей матери приелась Мунь, и она с удовольствием превратилась в злобную мачеху, которая шпыняла нерадивую падчерицу за малейшее прегрешение.

После вечернего приема пищи у воспитанников приюта было свободное время. Вопреки тайным чаяниям главного наставника, мы не оставались в монастыре, дабы предаться медитации. Мы выбирались за монастырские стены и спешили к дому Юфань. Рядом с домом рос раскидистый тополь, мы залезали туда всей гурьбой и, устроившись на ветках, словно отдыхающие после длительно перелета птицы, ожидали появления Юфань.

Любовь сделала нас лучше. Когда я впервые появился у тополя, мальчишки в первый раз с того момента, как я появился в монастыре, молча и без лишних слов взяли меня в свою романтическую компанию.

– На эту ветку лучше не садись, – предостерег меня Джен, на пару с Тяном травивший меня много лет кряду. – И так трещит.

Я с благодарностью кивнул. Сам Тян зло зыркнул глазами в мою сторону, но сказать ничего не решился.

– Скоро выйдет, – доверительно сообщил Тенгфей. – Ты первый раз здесь?

– На тополе – да, – подтвердил я.

– Если нам повезет, – сказал Джен, – отец заставит ее носить воду. Им надо много воды для скотины.

В тот день нам не повезло. Юфань вышла во двор, но только для того, чтобы мы с минуту наслаждались ее красотой. После чего она снова скрылась в хижине. Мы надеялись, что она выйдет снова, и еще долго не слезали с дерева.

– Это все из-за демона, – услышал я шепот Тяна.

К моей радости, мальчишки только отмахнулись от домыслов Тяна. В монастырь мы возвращались все вместе, и я не знал, чему радоваться больше – тому, что у меня появилась любовь или с друзьями с общими интересами.

Однако наслаждаться своей первой компанией мне пришлось недолго. Где-то через неделю у всех мальчишек чувства к Юфань достигли такой глубины, что потребовали уединения. С того времени мы поодиночке ускользали из монастыря, поодиночке добирались до дома Юфань, а взобравшись на тополь, уже не перекидывались шутками и подначками.

Догадывалась ли о нас Юфань? Безусловно – да. Она часто, чаще, чем обычно, выходила из дома вечерами и садилась на крыльцо, давая нам лишнюю возможность полюбоваться собой. При этом Юфань избегала смотреть на тополь, а все время рассматривала склон горы

Тулань. Затем раздавался визгливый голос Мунь (мы были убеждены, что старшая сестра завидует младшей), и Юфань скрывалась в доме. Одухотворенные, но печальные, спускались мы с тополя и, спотыкаясь, также поодиночке, брели в сторону монастыря, снова и снова проживая этот вечер, скрупулезно стараясь не упустить ни единой детали, воскрешая в памяти ее.

Поначалу никто из нас не решался заговорить с Юфань, но долго это продолжаться не могло. Продолжая наши «птичьи» ухаживания, мы переглядывались, выискивая в наших рядах героя-первопроходца, который и укажет нам путь к счастью. Таким героем стал заводила Тянь.

Однажды, никому не рассказывая о своих планах, он слез с дерева и направился к Юфань, которая только вышла из дома.

– Во дает, – сказал Джен.

Тянь предложил Юфань помочь принести воды. Юфань согласилась. Мы молча смотрели, как Тянь, никуда не торопясь, шел к колодцу, как он набирал воду в старое полусгнившее ведро и как исчез в доме, где и была нужна вода. Те мгновения, которые Тянь провел в доме Юфань, казались нам вечностью. Но вот Тянь показался на крыльце и снова направился к колодцу. Воды нужно было много: уж не знаю, затеяла ли Юфань уборку, или вода нужна была еще за чем-то, но Тянь сделал с десятков рейсов. Старый тополь источал парадоксальную злобу к нашему герою. Хотя злиться мы могли только на себя. В тот вечер на месте Тяня мог оказаться любой.

– Хоть бы Мунь его выгнала, – озвучил наши надежды тот же Джен.

Но, как назло, старшая Мунь, которая могла помочь нам справиться с конкурентом, уехала с отцом в город на ярмарку.

На следующий день Тянь, минуя тополь, сразу направился к хибарке Юфань. На этот раз все семейство крестьянина было в сборе, но, как мы ни надеялись на помощь со стороны старшей сестры, которая должна была прогнать наглеца, этого не случилось. Семья Юфань приняла монастырского мальчика. Тянь помог отцу Юфань распрячь уставшего буйвола, перевязал привезенный днем хворост и снова натаскал воды в дом. В награду Тяню досталась миска бобов и разговор с Юфань. Эта картина повторялась несколько дней. Тянь работал и разговаривал. Мы сидели на ветках и страдали.

Затем у Тяня появилась мерзкая привычка уводить Юфань на другую сторону участка, ссылаясь на большое количество комаров. Хотя Тяня тоже можно понять. Победитель хоть и должен вести себя достойно по отношению к побежденному, но вовсе не обязан делиться успехами.

По вечерам Тянь пересказывал нам свои беседы с Юфань. Беседы были вполне себе безобидные: Тянь сообщал нам, что у Мунь приключилась очередная истерика, а крестьянин Яо видел в долине трехметрового удава – нас ранил сам факт их наличия.

Единственное, что нам оставалось, – от всей души пожелать Тяню провалиться сквозь землю. Подлое пожелание наше исполнилось. Во время работы на террасе Тяня ужалила гадюка. Гадюка была старая и матерая, и пару дней монахи-лекари сражались за жизнь парня с помощью всего арсенала знаний, накопленных в монастыре за столетия существования. В итоге Тяня спасли, но он потерял много сил и две недели был вынужден провести в монастыре. Помню, что в те пару дней я, взяв на себя вину за случившееся, не отходил от комнаты, в которой врачевали Тяня, готовый по первому требованию отдать укушенному всю свою кровь. С тех пор у меня было много врагов, некоторых из которых мне пришлось убить. Выбора у меня не было – иначе убили бы меня. Но никому из них я не желал зла, которое в данном случае уместно назвать посторонним.

Так или иначе, благодаря вмешательству змеи, каждый из нас получил свой шанс в борьбе за сердце Юфань. Не сговариваясь, мы встали в очередь и пошли по проторенной Тянем дорожке.

Поначалу я чувствовал свое превосходство в этой схватке. Чувство это было основано на месяцах, проведенных в монастырской библиотеке. Помимо бесконечных мифов и жизнеописаний, а также литературы сугубо буддийского толка, мне попало несколько книжек европейских авторов. В то время эти книги не показались мне столь же захватывающими, как подвиги очередного полководца, и прочитаны были мною хорошо, если по диагонали. Однако и этого «диагонального» знакомства хватило моей цепкой памяти, чтобы вспомнить парочку чопорных джентльменов, выражающих свои чувства при помощи букета цветов и нескольких абстрактных рифм. Я до последнего не хотел использовать это тайное орудие. Беспокойство мое было сродни беспокойству отчаянного пирата, решившего разграбить прибрежный городок и не понимающего, сможет ли трюм его галеона вместить взятые в бою сокровища.

Наконец пришла моя очередь. Увы, меня ждало жестокое разочарование. Тщательно собранный букет полевых ромашек, украшенный украденной в монастырском саду лилией, вызвал у девушки полное непонимание происходящего. Думаю, цветов женщинам в этом горном краю не дарили никогда до этого момента, и сильно сомневаюсь, что начали дарить теперь, пятьдесят лет спустя. С беспомощными стихами, которые я лепил всю ночь напролет, при таких глазах лучше было и не начинать, это я понял сразу.

Я поплелся обратно в монастырь, жутко сожалея, что мне не девятнадцать лет и три месяца. Именно в этом возрасте полноценный буддийский монах имеет право принять оставленные предками двести пятьдесят обетов и остаться наедине со своими мыслями.

Когда все надежды были похоронены, мне протянули руку помощи. По иронии судьбы это сделал Тянь. Отлежав положенное количество дней на монастырской койке, Тянь снова заявил о своих правах на девушку. Не церемонясь с установленным нами порядком общения, уже в первый вечер своего выздоровления Тянь снова таскал воду, перевязывал хворост и болтал с Юфань. Смеясь, Юфань рассказывала о целой ораве ухажеров, спустившихся с дерева и взявших дом в круг. В том числе речь зашла и обо мне. Юфань, смеясь, рассказала Тяню о моих цветочных потугах, а Тянь в ответ бросил фразу, смысл которой сводился к следующему:

– Чего еще ждать от демона?

Тем самым Тянь собственными руками, точнее собственным языком, разрушил маленькую любовную, хоть и пошловатую, идиллию. Рассказывая про меня жуткие истории, он добился обратного результата, вызвав ко мне интерес.

На следующий день я встретил Юфань в небольшой роще неподалеку от деревни. В последнее время я часто тренировался там, оттачивая полученные в монастыре навыки боевого искусства. В тот день, нацепив на глаза плотную повязку, я прыгал между деревьями так, словно меня окружили полки недружественных варваров. Неожиданно я понял, что в ряды варваров затесался кто-то намного более опасный. Я стянул повязку и увидел Юфань. Она стояла и смотрела на меня и улыбалась, как мне показалось, чуть насмешливо. За спиной у нее была вязанка хвороста.

Я нашел в себе силы для вежливого кивка, который больше напоминал судорогу страдающего зубной болью человека.

– Добрый день, – звонко сказала Юфань. Помню, голос у нее был, словно колокольчик.

– Добрый день, – я нашел нужные слова только после некоторого замешательства.

Юфань попросила помочь ей донести хворост до дома. Я взвалил вязанку на спину. Юфань шла рядом, с интересом поглядывая на меня.

– А правда, что ты демон? – наконец спросила она.

– Нет.

– А почему так говорят?

Я рассказал Юфань про свою первую встречу с барсом, утаив при этом причины, по которым я покинул монастырь. Оказалось, что Юфань прекрасно знает моего барса и помнит те

времена, когда животное бродило по окрестностям в надежде вернуть меня в логово. Отец тогда запрещал им с сестрой покидать дом, опасаясь за их жизнь.

Я старался идти как можно медленнее, но дом Юфань был совсем рядом, и через каких-то пять минут я был вынужден вернуть девушке собранный хворост. Попрощавшись, я поплелся к монастырю, проклиная себя и свою нерешительность. Почему я не задержал ее? Почему не рассказал про таинственную комнату, про прочитанные там книги, про голодных коммунистов в ущелье, мечтающих изменить мир к лучшему? Я мог рассказать про своих неведомых родителей, которых, как я верил, я когда-нибудь найду.

Весь день я не находил себе места, а вечером принял веское решение раз и навсегда выбросить Юфань из головы и перестать изводить себя. Таким образом, моя тополиная ложа осталось пустой. Утром выяснилось, что я ничего не пропустил. Мальчишки рассказали, что Юфань весь вечер просидела дома, не обращая внимания на Тяна, который битый час, наподобие моего барса, кружил вокруг дома. Я пытался не думать о том, что не мое отсутствие послужило тому причиной, но ничего не мог с собой поделать. Едва дождавшись вечера, я, с трудом сдерживая себя, чтобы не побежать, направился к дому Юфань. Юфань ждала меня и вышла навстречу. Я был готов к любой работе, которую попросит меня сделать Юфань, но этого не потребовалось. Весь вечер мы провели, болтая на крыльце.

Краем глаза я видел Тяна, вальяжно идущего к дому Юфань. Увидев меня, Тян остановился. Думаю, на него смотрел весь тополь, ожидая от первопроходца очередного подвига. Но подвига не случилось. Пожелав взглядом, чтобы меня покусали все гадуки мира, Тян сразу поплелся в монастырь, признав свое поражение. Такое поведение дало понять остальным мальчишкам, что искать свое счастье в доме Юфань бесполезно, и они по одному начали спускаться с дерева.

Исход этот вызвал у Юфань приступ смеха. Девушка смеялась неудержимо и слегка истерично: так смеются люди, неожиданно освободившиеся от непосильного груза. Как бы я ни хотел, но я не смог разделить ее радость. Перед товарищами было не то чтобы стыдно – неудобно. Не находя за собой ничего предосудительного, все равно я чувствовал себя слегка предателем.

Предательством своим я наслаждался минут десять. Затем на крыльцо тяжелым шагом вышла Мунь, и я услышал то, что не слышал уже многие годы.

– А это что за урод?

И этой женщине я хотел отдать свое сердце! Я помню, Юфань пробормотала мое имя, но оно не произвело на Мунь никакого впечатления. Внешность моя, не принятая в этих краях, сделала свое дело, несмотря на годы, проведенные в монастыре. Забавно, что через какие-то несколько месяцев, невзирая на глаза и волосы, меня отправят на верную смерть во имя Поднебесной. Я кое-как попрощался с Юфань, нашел в себе силы кивнуть ее старшей сестре и поплелся в монастырь. Там меня уже поджидали мальчишки, ненавидящие меня за успехи и требующие горячих подробностей.

Как выяснилось, препятствия украшают любовь. Есть мнение, что прыщавые юнцы, дрожащие при виде друг друга, не имеют права на это высокое слово. Так зачастую говорят сорокалетние мужчины, безудержно изменяющие своим женам. Но я не буду их слушать. Равно как и не буду утверждать, что до конца понял смысл этого слова. Следующим утром Юфань ждала меня в роще рядом с монастырем. Была ли это любовь или нечто, о чем стоит спросить у сорокалетних мужчин, я не знаю. Может, так и стоит назвать это чувство: «встреча в роще» плюс с десятков пунктов уточняющих подробностей.

– Не обижайся на сестру, – первым делом попросила Юфань. – Мунь очень хорошая и заботится обо мне.

Я поспешил заверить Юфань, что ни о какой обиде речь не идет, и даже неосторожно рассказал ей о своем первоначальном выборе. Юфань долго смеялась и никак не могла остановиться.

Наши встречи продолжались два месяца, и за это время я даже близок не был к вещам, о которых так легко распространялся Тянь долгими монастырскими вечерами. Один раз я увидел, как по платью Юфань ползет маленький паучок, я протянул руку, чтобы смахнуть безобидное насекомое, но Юфань отдернулась от меня, словно ошпаренная. Я немедленно объяснил девушке свой жест, и паук, продолжая свой странствие по платью Юфань, стал свидетелем моей целомудренности. Юфань, смеясь, приняла мои объяснения, но тот страх, который появился в ее глазах, навсегда заставил меня отказаться от каких-либо помыслов. Я боялся потерять Юфань настолько, что не мог решиться на поцелуй даже в мыслях.

Спустя два месяца я твердо решил навсегда остаться рядом с Юфань на всю жизнь. Я планировал уйти из монастыря, построить дом и обзавестись хозяйством, убедив тем самым отца Юфань и ее сестру в своей надежности. Юфань полностью вытеснила из моей головы все мысли о поисках родителей. Возможность быть таким, как все, и жить, как все, захватила меня целиком. Я не рассказывал Юфань о своих не очень-то грандиозных планах, но уже начал присматривать место, где будет стоять наш будущий дом.

Как выяснилось, планы Юфань простирались еще дальше. Как-то во время беседы Юфань неожиданно нахмурилась и испытующе посмотрела на меня.

– Что? – спросил я. – Что-то не так?

– Если я рожу девочку, – неожиданно заявила Юфань, – я не буду перематывать ей грудь и стопы. Это очень больно.

Дело в том, что китайские каноны женской красоты были своеобразны. Считалось, что большие ноги и большая грудь – уродство, а девушка в идеале должна быть тоньше тростинки. И если с этим можно было как-то согласиться, то рецепт идеальной женской красоты в Китае вызывал большие вопросы. Начиная с самого детства рачительные мамы, желая своему чаду всех благ, стягивали грудь дочки плотной холщовой тканью, а ноги бинтовали, максимально подтягивая носок к пятке. В семье Юфань не было мамы, только вечно занятый крестьянин Яо, который совсем забыл про дедовские традиции, воспитывая Мунь, и вспомнил про них, когда дело дошло до Юфань. Нужно ли говорить, что отцовские бинты были намного туже, нежели те, которые бы затянула гипотетическая мама.

– И еще я не буду заставлять ее учить имена всех родственников до седьмого колена, – продолжала Юфань. – Я и сама их не знаю. И мне не понравится, если ты захочешь взять вторую жену, как мой дядя Ливей.

Я с легкостью согласился на поставленные Юфань условия, неприемлемые для любого другого китайца.

– Конечно, – сказал я. – Будет, как ты скажешь.

Юфань с признательностью посмотрела на меня. Очевидно, она готовилась к этому разговору и не ожидала, что он получится таким легким.

– А если отец не захочет, чтобы ты становился моим мужем?

– А почему он может не захотеть?

– Потому что ты из монастыря и не похож на остальных.

Я задумался, не зная, что ответить. Юфань сама подсказала мне выход из положения.

– Тогда мы убежим. Уедем в большой город. Я слышала, сейчас многие так делают.

Этот поступок шел вразрез с моими представлениями о счастливой семье, но я был готов поступиться ими ради Юфань. В конце концов, счастливым можно быть и в городе, подумал я.

– Можно и не просить отца – он все равно будет против. Мы просто убежим, – не могла остановиться Юфань.

Мне захотелось обнять ее. Юфань не стала отстраняться, наоборот, всем телом прижалась ко мне. Я ничего не смог с собой поделаться и тихонько поцеловал ее в волосы. В ответ Юфань заплакала. Наверное, сказало напряжение ответственного разговора.

Планы наши не исполнились. Китай находился в состоянии конфронтации с Японией, которая после инцидента на мосту Марко Поло перетекла в полноценную военную кампанию. Была объявлена мобилизация, и наш монастырь должен был внести свой вклад. Я был не единственным, кого ранним утром наставник усадил на телегу, которая должна была доставить нас к призывному пункту в ближайший городок. Рядом со мной устроились все мальчишки, с которыми мы все эти годы делили и скудный свет лампадки, и чашку риса, и ветку тополя. Мы мало что понимали в этой жизни, и тем более не понимали, куда нас отправляют. Фантазия моя, воспитанная на книгах, отказывалась выдавать мне благостные картинки будущего. Я помню, мы все молчали. Молчал заводила Тянь. Молчал возница. Молчал и наставник, словно впервые в жизни усомнившись в вере, которую он прививал нам. Телега тронулась. Наставник наш замер рядом с каменным изваянием Будды посреди двора, словно предлагая «просвещенному» разделить ответственность за наши неотесанные судьбы.

Еще вчера вечером, узнав о переменах в своей жизни, я искал встречи с Юфань рядом с ее домом. Но тщетно. Увидев, кто пришел, Мунь не выпустила Юфань на улицу, а вышла сама и предложила мне убраться обратно в монастырь.

– Меня забирают в армию, – попытался объяснить я.

Но Мунь, не дав мне договорить, пригрозила отцом, который вот-вот должен вернуться с полей. Какое-то время я еще бродил вокруг хибары в надежде, что Юфань появится на крыльце. Этого не случилось.

Путь нашей телеги лежал мимо хибары крестьянина Яо. До последнего мига я надеялся увидеть Юфань, которая выйдет в эту рань принести в дом воды или задать корм курам. Но как я ни сверлил взглядом стены дома, на покосившемся крыльце так никто и не появился. Вскоре дорога пошла под гору, и домик медленно исчез из поля зрения.

Долгие семь лет, которые я провел на войне, я представлял себе, как усталый и израненный, с болтающейся за спиной винтовкой я подхожу к этой хибаре. С предельной отчетливостью я видел, как Юфань выходит из дома, и, поначалу не веря своим глазам, рассматривает меня, загорелого, щетинистого. Как потом, убедившись, что я – это я, Юфань делает шаг навстречу, и в ответ, подхватив ее, точно пушинку, я кружусь с ней по двору. Мечты мои были обширны: там находилось место и Мунь, сменившей за время войны склочный характер на более покладистый, и крестьянину Яо, и наставникам монастыря, и даже снежному барсу, не желающему умирать от старости.

Жизнь распорядилась по-своему, и я больше никогда не видел ни монастырь, ни первую любовь.

Глава 2

Битва за Нанкин

Нас привезли на призывной пункт к вечеру. Всю дорогу я надеялся, что по приезде нам объявят, что война закончилась, и нас, накормив сытным ужином, отправят обратно в монастырь. Наш возница по имени Дэмин был из деревни, поэтому ночевка в городке нам не грозила. Таким образом, уже на следующее утро я мог бы увидеть Юфань. Встреча с ее сестрой или отцом меня не пугала. Один факт мобилизации, без участия в каких-либо военных действиях, должен был убедить моих будущих родственников, что, несмотря на все физические различия, они имеют дело с настоящим китайцем.

Городок был небольшой, и почти сразу же, въехав в него, мы оказались у сборного пункта. Я сразу понял, что надежды мои бессмысленны и войну никто не отменял. Несмотря на поздний час, здесь толпилось множество людей, в основном мужчин самого разного возраста. Были и женщины. Одна из них до сих пор стоит у меня в памяти, и не потому, что она отличалась от других. Наоборот, все они были похожи в реакции на свое горе, а эта женщина и ее сын просто оказались совсем рядом со мной и моими товарищами. Она стояла, крепко держа за руку свое чадо. Он был нашим ровесником и значительно выше своей матери. В отличие от матери, парень давно уже со всеми простился, и теперь мысли его были где-то далеко, за дверями сборного пункта, с которых он не спускал своего немного бараньего взгляда. Мать же, бережно держа руку сына, быстрым шепотом лепетала слова, смысл которых я, как ни прислушивался, никак не мог уловить. Произнеся очередную тираду, она дергала свое чадо за руку, призывая наклониться к ней. А потом так же торопливо целовала и целовала его в гладкие нежные щеки. Сын терпеливо принимал ласки, но в глазах его читалось легкое раздражение. Всем своим видом он старался показать окружающим, что все происходящее – личная инициатива матери и ни в чем подобном он не нуждается. Такое поведение сына по отношению к матери показалось мне оскорбительным. Я вцепился взглядом в несчастную женщину, словно вымаливая у нее свою порцию нежности. Но женщина так и не обратила на меня внимания.

Наш возница, временно взяв на себя функции наставника, скрылся за дверями призывного пункта, чтобы через пару минут появиться вновь, в сопровождении хмурого человека в гимнастерке. Направляясь к нам, Дэмин нехотая рассказывал человеку в гимнастерке про сложность обратного пути, помноженную на усталость лошади.

– Вот, – кивнул Дэмин. – Все тут.

Невзирая на сложности возницы, человек взялся нас пересчитывать, невежливо тыкая в каждого пальцем. Дэмин замер рядом, предвкушая скорое окончание своей службы родине, но в то же время слегка опасаясь, что произойдет недодача и ему придется вновь возвращаться сюда. Наконец человек в гимнастерке, закончив счет, кивнул, давая понять, что сделка между монастырем и армией прошла успешно.

– Все в порядке? – суетливо поинтересовался Дэмин, как будто речь шла о мандаринах.

– Да.

Возница, не попрощавшись, поспешил к телеге, оставленной неподалеку от призывного пункта. Мы же, повинувшись хмурому кивку, проследовали за человеком в гимнастерке.

Внутри призывного пункта еще один хмурый мужчина в гимнастерке по очереди записал нас в толстую тетрадь. Поначалу я подумал, что человек этот мог бы сэкономить время и обойтись фигурными скобками – фамилия и возраст наши были одинаковыми, а точная дата рождения тут никого не интересовала, да мы в большинстве своем и не знали ее. Но было еще и имя. Назвав свое, я встретил слегка удивленный взгляд и короткую экскурсию по своей внешности.

Помню, наш герой Тянь и здесь оказался первым, спросив у записывающего, когда нам выдадут оружие. Тот ответил малопонятным смешком. Несмотря на все боевые умения, привитые в монастыре, нам всем очень хотелось ощутить в руках какую-нибудь винтовку, а еще лучше автомат. Пользоваться ни тем, ни другим мы, естественно, не умели. В монастыре огнестрельного оружия не держали. Пара старых кремневых ружей была в деревне. А единственную винтовку в своей жизни я видел у коммунистов, когда те прятались в ущелье рядом с монастырем. Оружие нам так и не выдали. Вместо него нам досталась аккуратно сложенная форма, кусок хозяйственного мыла и жестяная банка с тушенкой. Еще через несколько минут мы оказались в казарме, которая находилась тут же, в недрах призывного пункта.

Очередной мужчина указал нам наши койки. На койках были матрасы и подушки. После шестнадцати лет, проведенных на голых досках, никто из нас даже не подумал спросить про одеяло. Не дожидаясь слов благодарности, мужчина ушел.

– А ничего, жить можно, – подвел Тянь некоторый итог сегодняшнему вечеру. – Я думал, будет хуже.

Я молча согласился с Тянем. Как выяснилось позже, все это мало чем напоминало армию со всеми ее порядками, схожими по всему миру, и объяснялось полным отсутствием веры в победу над превосходящим по всем параметрам (кроме численности армии) интервентом.

Пока же кто-то из ранее прибывших одолжил нам нож, чтобы мы смогли добраться до своего консервированного ужина. Тушенку ели руками, подолгу облизывая жирные пальцы. Могу ошибиться, но сильно сомневаюсь, что кто-то из нас позже смог вернуться к вегетарианству. А в целом, проматывая в голове первый день в китайской армии, можно было прийти к выводу, что мы сменили один монастырь на другой, более комфортабельный.

Наутро нас вывели на плац, где первый хмурый мужчина, поприветствовав нас в рядах армии Китая и совершив небольшой экскурс в славную историю Поднебесной, пообещал нам скорую победу. Звучал он очень неубедительно, то и дело оглядываясь на прочих находившихся здесь офицеров, словно опасаясь, что его слова вызовут у них смех. Далее помощник его зачитал наши будущие места дислокации. Фронт боевых действий был обширен, и нас, неудавшихся буддистов, разметало по всей стране. Мне предстояло нести службу в Нанкине, который на тот момент был столицей Китая.

Прощание с товарищами вышло коротким, точнее будет сказать, что его не было вовсе. Как-то неожиданно я оказался в колонне, которая разномастным маршем покинула плац. Я оглянулся. Тянь разговаривал с Дженом, как я понял, их отправляли куда-то на юг. Прочих я не увидел. Знаю лишь, что один из моих товарищей – тихоня по имени Чангпу, соорудил себе в армии вполне приличную карьеру, довоевавшись за пять лет войны до лошади и верного денщика. Он бы пошел и дальше, но за год до окончания войны погиб под Шанхаем.

Еще через пару часов меня и еще одну сотню «нанкинцев» усадили в товарный поезд, идущий в столицу. Рядом со мной в вагоне оказался тот самый сын-верзила, не желавший отвечать на нежность своей матери. Выражение лица его с прошлого дня так и не поменялось. Очевидно, найдя его в один прекрасный день и нацепив на себя, он не готов был с ним расстаться, пока не найдется что-то еще более удачное. Я тронул парня за плечо.

– Как зовут твою маму?

Этот странный вопрос заставил парня ненадолго расстаться со своим лицом. Он с удивлением посмотрел на меня, пытаясь понять, что это было. Не справившись с задачей, он снова надел баранью маску, очевидно решив, что ему послышалось. Переспрашивать я не стал.

Нас привезли в Нанкин в середине ноября. Состав шел несколько суток, и я был рад вновь оказаться на твердой земле. Другое дело, что первые несколько дней в Нанкине у меня раскалывалась голова, оставляя в покое лишь по ночам. Выходец из буддийского монастыря, я оказался совершенно не готовым к объемам большого города. Глаза мои, привыкшие замечать

муравья за десяток шагов, разбегались в разные стороны, сбрасывая в мозг совершенно ненужную информацию. Уши моментально утонули в городской какофонии. Все мои феноменальные чувства, возвращенные при монастыре, на поверку оказались пригодными лишь в тепличных условиях и моментально забили тревогу. Спустя несколько дней я привык к городу. Хотя точнее будет сказать, что это город приучил меня к себе, постепенно притупив все эмоции.

Успехи японской армии согнали в Нанкин толпы беженцев, увеличив население мало не в два раза. Погода стояла относительно мягкая, и люди без проблем находили себе приют прямо на улице.

Нам повезло больше. Нас расквартировали в казармах в центре города. К излишеству казарм призывного пункта добавилось одеяло. Правда, нас снова оставили без оружия.

Тут книги в очередной раз выставили меня дураком. Лишенный семьи, не отыскав ее в монастыре и окрестностях, я надеялся найти ее тут. Первым вечером я столкнулся с четырьмя парнями, которые вполне подходили на роль моих братьев. Парни, хоть и были постарше меня, также являлись новобранцами. Насколько я понял, все они были родом из одного южного поселка, и это обстоятельство помогло им, не дожидаясь японцев, установить в казарме свои правила.

Не сильно понимая, куда они попали, ребята эти по вечерам обходили казарму, внимательно оглядывая новоприбывших на предмет наживы. Кто-то расстался с теплой кофтой, у кого-то нашлась пара монет. Очередь дошла до призывника по имени Фэй. Это был тот самый молчаливый парень с бараньей маской на лице. Помимо материнской нежности, ему ничего не досталось в дорогу, а ею он не мог поделиться даже при всем своем желании. В отместку Фэй стащили с койки и начали избивать. Фэй не сопротивлялся, лишь прикрывал руками голову, понимая, что все скоро закончится и надо лишь немного потерпеть.

Я сидел на своей койке, изучая клочок газеты, найденный в туалете. В спартанском монастыре моем не принято было ни за кого заступаться, это считалось унижительным для бойца. Но монастырь остался далеко на севере, зато перед глазами стояло лицо несчастной женщины, матери Фэя. Я спрятал газету под подушку и встал.

– Оставьте его, – очень тихо попросил я. Первое время в городе я старался говорить тихо, если, конечно, обстоятельства не требовали кричать.

Парни оставили Фэя и окружили меня.

– Ты кто такой?

– Это твоя подружка?

– Ты что, не китаец?

– Что у тебя с глазами?

Град бессмысленных вопросов завалил меня. Сначала я думал что-то отвечать, но быстро сообразил, что ответа от меня никто не ждет. Такое поведение я позже встретил, наблюдая за семейством бразильских макаков в джунглях Амазонки. Вожак стаи несколько минут кружил вокруг своего противника, тоже обезьяны, взвинчивая себя криками и ударами в грудь.

Я никогда не дрался против четверых и вообще не дрался очень давно. Плюс ко всему у меня болела голова, но я не боялся. Наконец один из ребят обратил внимание на серебряный медальон с вензелями, который висел у меня на шее. Он протянул руку, чтобы схватить и сорвать медальон. Мне удалось поймать его за палец и больно вывернуть его, тем самым опустив соперника на колени. Друг его замахнулся и попытался ударить меня кулаком в лицо. Я легко ушел от удара, после чего отпихнул его ногой. Перелетев через пару коек, он ударился головой о чью-то тумбочку. Те двое, что остались, решили не ввязываться. Я отпустил первого и вернулся к газете. До прихода японцев эти четверо больше никого не обижали. Хотя, может быть, я просто ничего про это не слышал.

Разочаровавшись в рядовых, я начал подбирать кандидатов на роль родных и близких из старшего командного состава. Дела тут были немногим лучше.

Командир взвода, лейтенант, немногим старше нашего, мечтал стать генералом. Каждое утро он обходил вверенные ему койки и с помощью нитки проверял нашу аккуратность. Прикладывая нитку к застеленному белью, он смотрел, ровно ли все сделано. При нахождении брака лейтенант немедленно скидывал все, включая матрас, с кровати и предлагал солдату застелить кровать заново.

Это упражнение никак мне не давалось, и раз за разом постель оказывалась на полу.

– Что ты за солдат, Фадьях, – орал лейтенант, заставляя меня почувствовать свою неполноценность.

Я спешно извинялся и все переделывал. Лейтенант шел дальше. Эта история повторялась три дня. На четвертый я раздобыл нитку и перед появлением взводного самостоятельно проверил амплитуду постели. Это не помогло. То ли нитка у лейтенанта была прямее моей, то ли за три дня у него выработался инстинкт по отношению именно к моей койке, но моя постель снова оказалась на полу.

Командир роты без конца пил и ходил по казарме в расстегнутой гимнастерке с перекошенным от злобы лицом. Командир батальона был трезв, но злобы в нем было не меньше, чем в старшине, а учитывая занимаемую должность, может, и больше. На третий день знакомства с новоприбывшими он со всей тщательностью объяснил нам, кто мы такие и почему должны вскоре сдохнуть. Никуда не годился и полковник, принимавший у нас присягу. Унылый и уставший, он с трудом дослушал наш стройный хор, чтобы сухо кивнуть и в спешке покинуть плац. Та еще была армия.

Я нахожу только одно объяснение этим старшинам и генералам. Годы, предшествующие войне, были годами лютого воровства. Деньги, присылаемые из-за границы или чудом появившиеся в самом Китае, растаскивались бесследно и моментально. Неудачникам, не сумевшим добраться до кормушки, оставался сам Китай. Так потихоньку за какой-то десяток лет страну разобрали на винты, болты, пули, нитки, в общем, на все, что можно было взять, унести, и, желательно, остаться при этом незамеченным. Легкие деньги без всякой пощады вырывали из рядов патриотов даже самых закаленных и проверенных бойцов.

Убедившись, что армия – далеко не самое лучшее место на земле, я успокоился, и мир немедленно изменился к лучшему. Старшина соседней роты оказался приятным улыбчивым человеком. Может быть, он не воровал (хотя бы не с таким удовольствием, как многие другие), а может, дело было в его замечательной дочке, каждый день приносящей обед в казарму. Дождавшись, пока отец разделается с курицей, она подолгу висела у него на шее, не обращая внимания на строгость обстановки. Излишеством выглядели шахматы, которым в знак благодарности научил меня Фэй. С легкостью разобравшись с правилами игры, я долго не мог достичь победы, без конца рекомендуя сопернику тот или ход.

– Не надо подсказывать, – сердился Фэй. – Иначе я не буду играть.

Я поспешно просил прощения. Тем не менее Фэй не мог найти хода лучше, раз за разом загоняя мое войско в безвыходную ситуацию.

Внешность моя, растворившись в многолюдном Нанкине, не пугала и не раздражала людей. Именно в Нанкине в первый раз в жизни я увидел русского человека (что он именно русский, я понял много позже, находясь в фашистской Германии, где земляков моих было с избытком). Это был пожилой мужчина, широкоплечий и статный. Он спокойно сидел на скамейке в городском парке и кормил голубей, отламывая от круглого белого каравая большие куски, не обращая ни на кого внимания. Его спокойствие странно смотрелось посреди города, который, следуя военной лихорадке, весь куда-то бежал, уезжал, добывал еду и постоянно ругался. Наверное, в жизни этого человека все уже случилось, и он пребывал в полной уверенности, подкрепленной выработанным иммунитетом, что хуже уже не будет.

Я не нашел, что сказать ему, и просто аккуратно присел на краешек скамейки, стараясь не спугнуть столовавшихся голубей. Русский оторвался от птиц и бросил на меня взгляд. Изучив мой профиль, он опустил глаза на армейскую гимнастерку. Еще минуту, позабыв про голубей, сосед мой пытался совместить в голове увиденное. И, наконец, не справившись с задачей, просто сказал:

– Хороший день сегодня.

Произнесено это было на моем родном языке, которого я на тот момент не знал. Боясь спугнуть земляка, я кивнул. Больше он ничего не говорил, а я так и не рискнул обратиться к нему по-китайски. Не знаю, знал ли он язык. Пару слов знал наверняка, но было видно, что он не хочет ими пользоваться, не любит их и устал от них. Еще с полчаса мы молча просидели на скамейке. Пора было возвращаться в казарму, где Фэй уже расставлял шахматные фигуры. Уходя, я снова кивнул, и мужчина кивнул в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.